

STYLE & SOCIETY: DRESSING THE GEORGIANS

Стиль и общество - панно для Галереи королевы

THE QUEEN'S GALLERY, BUCKINGHAM PALACE

Georgian Fashion

The eighteenth century has been called 'the age of revolution' and in Georgian dress we find evidence of various revolutions – technological, political and social. Fashion served as both a driver of change, and as a barometer of what was happening in the wider world.

This exhibition uses portraiture to tell the story of fashionable dress in Britain, from the accession of George I in 1714 to the death of George IV in 1830. The first room provides a chronological introduction, charting the transformation of styles, silhouettes and fabrics, and building up a layer-by-layer picture of what the Georgians wore. The later rooms take a thematic approach, revealing what fashion reveals more broadly about life in Georgian Britain.

During this period, the fundamental materials used to construct items of dress were the same as in previous centuries, and clothing remained a valuable commodity, prized for its raw materials more than for the way in which it had been cut, pinned and sewn together. The process by which textiles were transformed into clothes was undertaken entirely by hand, the invention of the sewing machine being many years away. Raw materials were expensive, so scraps of material were pieced together and garments were skilfully constructed in ways that allowed them to be easily adapted as fashions changed.

Portraits are an invaluable source for understanding the fashions of the past. While some artists depicted dress with great accuracy, others modified it in portraits for artistic effect. Comparing two-dimensional images with three-dimensional garments is illuminating, helping to determine how dress has been adapted when portrayed in paint. Moreover, examining real clothing reveals details of construction and marks of wear invisible in portraits. In contrast, visual images demonstrate how clothes were combined and padded, and how they changed the wearer's deportment.

Мода георгианской эпохи

Восемнадцатый век называют «веком революций», и в одежде георгианской эпохи мы находим свидетельства различных революций – технологической, политической и социальной. Мода служила как движущей силой перемен, так и барометром того, что происходило в мире в целом.

С помощью портретов, представленных на данной выставке, мы рассказываем историю модной одежды в Великобритании, начиная с восшествия на престол Георга I в 1714 году и до смерти Георга IV в 1830 году. В первом зале представлено хронологическое введение, где прослеживается трансформация стилей, силуэтов и тканей и выстраивается, слой за слоем, картина того, что носили в георгианскую эпоху. В последующих залах используется тематический подход, шире раскрывающий особенности того, как мода отражала жизнь в георгианской Британии.

В этот период основные материалы, используемые для изготовления предметов одежды, были такими же, как и в предыдущие века, и одежда по-прежнему была дорогим товаром, который ценился больше за материалы, чем за то, как их кроили, скрепляли и сшивали. Процесс превращения текстиля в одежду происходил исключительно вручную, до изобретения швейной машины оставалось еще много лет. Сырьё было дорогим, поэтому обрывки материалов скреплялись вместе, а одежда была искусно сконструирована таким образом, чтобы ее можно было легко подогнать под новые веяния моды.

Портреты – бесценный источник для понимания моды прошлого. В то время как одни художники изображали одежду с большой точностью, другие изменяли ее в портретах для художественного эффекта. Сравнение двумерных изображений с трехмерными предметами одежды крайне познавательно и помогает определить, какие изменения были внесены при изображении одежды живописцами. Более того, изучение реальной одежды позволяет выявить детали дизайна и следы износа, невидимые на портретах. С другой стороны, визуальные образы демонстрируют, как одежда комбинировалась и поддерживалась нижними слоями, включая дополнительные приспособления, для создания модного силуэта, и как она меняла осанку того, на ком была надета.

Fashion and Society

In previous centuries it had been royalty and the aristocratic elite who had generally set fashions, which were then imitated and interpreted by the lower ranks. In a reversal of this, during the eighteenth century fashionable society started to look to the practical dress of the lower classes for style inspiration. The most influential tastemakers were increasingly those lower down the social scale, while the court became associated with fossilised styles of dress rather than cutting-edge fashion. Although court dress provided a sense of continuity with the past and created a brilliant spectacle, it rarely set fashions for the future, its details governed by conventional rules of etiquette. And whereas some members of the royal family were interested in new clothing trends, others preferred styles that were well-established and familiar:

The rising importance of commercial locations for entertainment and socialisation, such as assembly rooms, coffee houses, pleasure gardens and theatres, allowed the latest styles to be shown outside the traditional court setting. The birth of a specialised fashion press spread the most up-to-the-minute trends more quickly and widely than ever before. At the same time, industrial innovations to the production of textiles, as well as to the related processes of dyeing, printing and bleaching made fashionable fabrics cheaper and more accessible to a broader cross section of society.

Мода и общество

В предыдущие века именно королевские особы и аристократическая элита обычно задавали моду, которой затем подражали и которую интерпретировали нижестоящие слои общества. Восемнадцатый век положил начало обратной тенденции – модное общество стало обращаться за вдохновением для стиля к практичной одежде низших классов. Самыми влиятельными законодателями мод все чаще становились люди из низших слоев общества, а двор стал ассоциироваться скорее с застывшими во времени стилями одежды, чем с новейшей модой. Хотя придворные наряды обеспечивали чувство преемственности с прошлым и были блестящими и зрелищными, они редко задавали моду на будущее, поскольку их детали регулировались привычными правилами этикета. И если одни члены королевской семьи интересовались новыми тенденциями в одежде, то другие предпочитали устоявшиеся и привычные стили.

Растущее значение коммерческих помещений и мест для развлечений и общения, таких как залы собраний, кофейни, сады для прогулок и театры, позволило демонстрировать последнюю моду вне традиционной придворной обстановки. Рождение специализированной модной прессы позволило распространять самые актуальные тренды быстрее и шире, чем когда-либо прежде. В то же время промышленные инновации в производстве текстиля, а также связанных с ним процессах окрашивания, набивки и отбеливания сделали модные ткани дешевле и доступнее для более широких слоев общества.

Dressing Children

The eighteenth century witnessed an important philosophical shift in the attitudes towards childhood. In 1693 John Locke had proposed the idea that children are born as 'blank slates', a break with the Puritan concept that children are innately sinful and require salvation through instruction. Building on this, Jean-Jacques Rousseau identified childhood as a unique period of freedom and happiness, emphasising the importance of allowing children to play and experience the natural world.

This fundamental shift in perceptions had a significant impact on the styles of dress worn during childhood and infancy. From the 1750s, the practice of swaddling infants became increasingly unfashionable, criticised by both physicians and philosophers for hindering movement and growth. New transitional styles of clothing were introduced for boys, which extended the stage of childhood and provided a comfortable and practical alternative to adult dress.

Children's clothing sometimes foreshadowed more informal styles of adult dress that later became popular and may have played a role in encouraging their acceptance. The chemise gown for women, for example, was constructed in much the same way as a child's frock, while the trousers adopted by boys in the 1770s provided a blueprint for those worn by men twenty years later.

Детская мода

В восемнадцатом веке произошел важный философский сдвиг в отношении к детству. В 1693 году Джон Локк выдвинул идею о том, что дети рождаются «чистыми листами», что означало разрыв с пуританской концепцией, согласно которой дети врожденно греховны и нуждаются в спасении через обучение. Основываясь на идее Локка, Жан-Жак Руссо определил детство как уникальный период свободы и счастья, подчеркивая важность предоставления детям возможности играть и познавать мир природы.

Этот фундаментальный сдвиг в восприятии оказал значительное влияние на стили одежды, которую носили в детстве и младенчестве. Начиная с 1750-х годов, практика пеленания младенцев всё больше выходила из моды. Её критиковали как врачи, так и философы за препятствование движению и росту. Для мальчиков были введены новые переходные стили одежды, которые продлевали этап детства и представляли собой удобную и практичную альтернативу взрослой одежде.

Детская одежда иногда предвещала появление более неформальных стилей одежды для взрослых, которые позже стали популярными и, возможно, сыграла свою роль в поощрении их принятия. Например, женское платье-рубашка было сконструировано по тому же принципу, что и детское платье, а брюки, которые было принято носить у мальчиков в 1770-х годах, послужили образцом для мужских брюк двадцать лет спустя.

Hair

Throughout much of the eighteenth century, most men shaved off their real hair and replaced it with a powdered wig. This was linked to ideas about health and cleanliness as hair was thought to spread infection and lice. A wig also provided a far more convenient option than having to style the hair, because it could be removed at night and sent to the hairdresser to be reset regularly. A variety of wig styles were worn throughout the century, and it was not uncommon for a man to own several wigs for different occasions.

At the beginning of the eighteenth century even the cheapest wig cost around £3, the equivalent of more than £400 today. They were therefore expensive luxury items in a man's wardrobe and a clear indication of status and wealth. Over the course of the century, however, wigs became cheaper and much more widely accessible, making them an essential component of respectability.

It is a common misconception that full wigs were also worn regularly by women. Instead the immensely tall and wide hairstyles adopted in the latter half of the eighteenth century were almost always created using a woman's own hair raised over pads, sometimes with the addition of pieces of false hair.

For much of the century powder was extensively used by both sexes. Derived from crops such as wheat and barley, powder was initially adopted for its absorptive qualities to remove grease. Powder also made it easier to achieve elaborate hairstyles. It was used in combination with pomade, an oily material derived from rendered animal fat, which was combed through the hair to remove impurities and act as a softening agent.

Причёски

На протяжении большей части XVIII века большинство мужчин сбривали свои настоящие волосы и заменяли их на напудренный парик. Это было связано с представлениями о здоровье и чистоте, поскольку считалось, что волосы распространяют инфекции и вшей. Парик также был гораздо более удобным вариантом, чем укладка волос, потому что его можно было снимать на ночь и отправлять к парикмахеру для регулярной переукладки. На протяжении всего столетия носили парики разных стилей, и нередко мужчина имел несколько париков для разных случаев.

В начале XVIII века даже самый дешёвый парик стоил около 3 фунтов стерлингов, что эквивалентно более чем 400 фунтам стерлингов на сегодняшний день. Поэтому парики были дорогим предметом роскоши в гардеробе мужчины и явным признаком статуса и богатства. Однако в течение того столетия парики стали дешевле и гораздо доступнее, что сделало их неотъемлемым компонентом респектабельности.

Существует распространённое заблуждение, что женщины также регулярно носили полные парики. На самом деле, необычайно высокие и широкие причёски, принятые во второй половине XVIII века, почти всегда создавались с использованием собственных волос женщины, поднятых над накладками, иногда с добавлением накладных волос.

На протяжении большей части века пудра широко использовалась представителями обоих полов. Её получали из таких культур, как пшеница и ячмень, и первоначально использовали из-за абсорбирующих свойств, чтобы избавиться от засаленности. Пудра также облегчала создание сложных причёсок. Её использовали в сочетании с помадой – маслянистым материалом, полученным из топленого животного жира. Помада наносилась на волосы, а затем их прочёсывали для смягчения и удаления загрязнений.

Sporting Dress and Anglomania

France was undisputedly the country with the most influence on fashion across Europe for much of the eighteenth century. However, while the English admired French fashions, they also prided themselves on a distinctive and self-consciously cultivated national style. This was plainer and more informal than that worn in France, with everyday dress increasingly influenced by casual clothing worn for country sports such as riding, hunting and shooting.

During the last quarter of the century a wave of Anglomania in dress swept through Europe, which saw the influential French fashion periodical *Cabinet des modes* announce in the November 1786 edition that it was being renamed *Magasin des modes nouvelles, françaises et anglaises*. The tight-bodied nightgown (known in France as the *robe à l'anglaise*) became the most popular style of dress for women in the 1780s, and French women also adopted English riding coats, calling them *redingotes*. French men, too, adopted their own version of the English frock coat, which had been inspired by non-elite working dress. According to one observer, fashionable young gentlemen in Paris in 1792 'look as if they will mount a horse any minute'.

Спортивная одежда и англomanия

Франция, бесспорно, была страной, оказывавшей наибольшее влияние на моду во всей Европе на протяжении большей части XVIII века. Однако, хотя англичане восхищались французской модой, они также гордились своим отличительным и осознанно культивируемым национальным стилем. Английская мода была более простой и неформальной, чем та, которую носили во Франции, а на повседневную одежду все больше влиял стиль одежды, которую носили для занятий сельскими видами спорта, такими как верховая езда, охота и стрельба.

В последней четверти века по Европе прокатилась волна англomanии в одежде, в результате чего влиятельный французский модный журнал *Cabinet des modes* в ноябре 1786 года объявил о переименовании в *Magasin des modes nouvelles, françaises et anglaises*. Обтягивающая ночная рубашка (известная во Франции как *robe à l'anglaise*/«халат в английском стиле») стала самым популярным стилем одежды для женщин в 1780-х годах, а француженки также переняли английские плащи для верховой езды, назвав их «рединготами» (*redingotes* – от англ. «riding coats»). Французские мужчины также приняли свой собственный вариант английского сюртука, который был вдохновлен рабочей одеждой не-аристократов. По словам одного наблюдателя, модные молодые джентльмены в Париже в 1792 году «выглядели готовыми сесть на лошадь в любой момент».

Making, Cleaning and Buying

Raw materials for fabric were derived from animal and plants sources – wool usually from sheep, silk from the cocoons of silkworms, linen from the flax plant and cotton from the *Gossypium* plant. While the raw materials for wool and linen could be produced in Britain, the climate made the cultivation of silkworms and the growth of the cotton plant untenable, and these raw materials needed to be imported.

Elite dress was made bespoke for the wearer; and its production involved numerous processes, each undertaken by a different specialist: the silk for a dress might be woven, sold, embroidered, sewn together and trimmed by a weaver; mercer; embroiderer; mantuamaker and milliner, before it reached the body of its owner.

Cleanliness in dress had long been considered an indicator of underlying moral character; demonstrating good manners and respect for self and others. While linen or cotton items could be washed using hot water and harsh alkaline soaps, those made from silk or wool needed to be spot cleaned instead.

The eighteenth century saw the development of shopping as a leisure activity, with larger windows allowing an attractive displays of goods. London shops were considered the best in Europe, one visitor writing in 1786 that 'It is almost impossible to express how well everything is organised in London. Every article is made more attractive to the eye than in Paris or any other town.'

Изготовление, очистка и покупка

Сырье для изготовления тканей получали из животных и растительных источников: шерсть – обычно от овец, шелк – из коконов шелкопряда, лён из растения льна и хлопок из хлопчатника. Хотя сырье для производства шерсти и льна можно было производить в Великобритании, климат делал выращивание шелкопряда и хлопчатника нерентабельным, и это сырье нужно было импортировать.

Элитное платье шилось на заказ, и его производство включало множество процессов, каждый из которых выполнялся разными специалистами: шёлк для платья мог быть соткан, продан, вышит, сшит и отделан, пройдя через руки ткачей, торговцев шёлком, вышивальщиков, швей и модисток, и только после этого попадал к тому, кто будет его носить.

Опрятность в одежде издавна считалась показателем морального облика, демонстрирующим хорошие манеры и уважение к себе и другим. Если льняные или хлопчатобумажные вещи можно было стирать в горячей воде с жестким щелочным мылом, то на вещах из шелка или шерсти нужно было удалять отдельные пятна вручную.

Восемнадцатый век ознаменовался развитием шопинга как вида досуга, а более крупные витрины позволяли привлекательно выставить товары. Лондонские магазины считались лучшими в Европе, один из посетителей писал в 1786 году: "Почти невозможно выразить, насколько хорошо все организовано в Лондоне. Каждый предмет привлекает внимание больше, чем в Париже или любом другом городе".

Mourning Dress

Mourning dress has its origins in royal and aristocratic convention, although it became increasingly widespread during the eighteenth century. Serving as a demonstration of affection for the deceased, mourning dress also reinforced social status, indicating a knowledge of etiquette and the wealth to acquire special clothing for the occasion.

Full public mourning for the entire population was required after the death of a member of the royal family but was relatively infrequent. By contrast, court mourning honoured the death of a foreign ruler or their relative and was common, with 44 instances recorded between 1750 and 1767. It served an important diplomatic function, being a conspicuous gesture of allegiance between countries. With balls and social events suspended during these periods, the impact of prolonged court mourning on the textile industry was significant, and in recognition of this the duration of mourning became shorter over the course of the century.

Mourning dress was split into first (deep) and second mourning. Both were generally cut along the lines of contemporary fashion, the main differences being in the colour and type of fabric. First mourning dictated that dress and accessories be matt black, with limited ornamentation, while second mourning allowed greater freedom. The widespread adoption of mourning dress meant that matt fabrics such as bombazine and crape were in high demand, with the city of Norwich established as a particularly important centre of production.

Траурное платье

Траурная одежда берет свое начало в королевских и аристократических традициях, хотя она получила все большее распространение на протяжении восемнадцатого века. Траурная одежда, служившая демонстрацией привязанности к умершему, также укрепляла социальный статус, указывая на знание этикета и богатство, позволявшее приобрести специальную одежду для этого случая.

Полный публичный траур для всего населения требовался после смерти члена королевской семьи, но случался относительно редко. В отличие от этого, придворный траур отмечал смерть иностранного правителя или его родственника и был распространен, 44 случая зафиксированы в период с 1750 по 1767 год. Он выполнял важную дипломатическую функцию, являясь видимым жестом верности между странами. Поскольку балы и светские мероприятия в эти периоды приостанавливались, влияние длительного придворного траура на текстильную промышленность было значительным, и в знак признания этого продолжительность траура в течение века становилась все короче.

Траурная одежда делилась на первый (глубокий) и второй траур. Одежда для обоих периодов была в целом пошита в соответствии с модой того времени, основные различия заключались в цвете и типе ткани. Первый траур предписывал, чтобы одежда и аксессуары были матовыми, с ограниченными украшениями, в то время как второй траур допускал большую свободу. Широкое распространение траурной одежды означало, что матовые ткани, такие как бомбазин и креп, пользовались большим спросом, а город Норидж стал особенно важным центром производства.

Dressed for Battle

All the Georgian monarchs took a great interest in military clothing even when they were not particularly interested in fashion, and instigated various projects designed to systematise and record military dress. In Britain the first official pattern uniforms were formalised for both the army and navy during the reign of George II, and subsequently revised under George III and George IV.

By the eighteenth century armour was rarely worn on the battlefield, the thickness of metal required to defend against newly developed firearms hindering mobility, and rendering it largely ineffective. Instead, the eighteenth century saw an explosion in the popularity of uniforms, reflected in increasingly formalised attire for military regiments across Europe, as well as the rise of civilian uniforms for courtiers. Soldiers joining the lower ranks were provided with uniforms annually on the accession date of the king, while uniforms for officers were tailor-made to fit and paid for by the wearer. This allowed them the opportunity to express how fashionable they were through subtle differences in the quality of fabric and cut.

At the beginning of the Georgian period, the navy was not held in such high regard as the army, with officers more often drawn from professional or merchant backgrounds rather than the aristocracy. In the 1740s, these attitudes started to change, leading to greater equivalence between the two forces. Key to this was the development of naval uniforms for officers. Unlike in the army, official uniforms were not defined for lower ranks of seamen until 1857, although a system of selling ready-made clothing ('slops') on board provided sailors with appropriate garments at a reasonable price, and resulted in a recognisable style of dress frequently represented in prints of the period.

Военная форма

Все монархи георгианской эпохи проявляли большой интерес к военной одежде, даже если их не особенно интересовала мода, и инициировали различные проекты, направленные на систематизацию и описание военной одежды. В Великобритании первые официальные образцы мундиров были введены для армии и флота во время правления Георга II, а затем пересмотрены при Георге III и Георге IV.

К восемнадцатому веку доспехи редко надевали на поле боя, так как толщина металла, необходимая для защиты от созданного к тому моменту огнестрельного оружия, ограничивала подвижность и делала доспехи в значительной степени неэффективными. Вместо этого в восемнадцатом веке произошел взрыв популярности мундиров, что нашло отражение во всё чаще получавшей официальное закрепление форме одежды для военных полков по всей Европе, а также в появлении гражданских вицмундиров для придворных. Солдаты, вступающие в нижние чины, получали мундиры ежегодно в день восшествия на престол короля, а мундиры для офицеров шились на заказ и оплачивались владельцами. Это давало им возможность выразить своё соответствие модным тенденциям при помощи тонких различий в качестве ткани и крое.

В начале георгианского периода флот не пользовался таким большим уважением, как армия, а офицеры чаще всего были выходцами из профессиональной или купеческой среды, а не из аристократии. В 1740-х годах это отношение начало меняться, что привело к большему равенству двух видов войск. Ключевым моментом стала разработка военно-морской формы для офицеров. В отличие от армии, официальная форма для нижних чинов моряков не была определена до 1857 года, хотя система продажи готовой одежды (матросских брюк и курток, «slops») на борту обеспечивала моряков соответствующей одеждой по разумной цене, что привело к появлению узнаваемого стиля одежды, часто изображаемого на гравюрах того периода.

Rebellion and Revolution

The symbolic power of clothing to demonstrate the beliefs and values of its wearer means that dress has played a key role in demonstrating loyalty or defiance during periods of political or national turmoil.

The eighteenth century saw much warfare across the world. Complex political and social factors resulted in shifting allegiances and patterns of dominance. For the Hanoverian monarchs the relationship with France was a fundamental concern, with intermittent periods of fragile peace overshadowed by the threat of invasion, protectionist foreign policy and the predictable rivalry between neighbouring territories. Added to this were complications inherent in the establishment and rule of overseas colonies across an expansive geographical area, opposition to the Acts of Union between England and Scotland and various altercations with Spain, Holland and Denmark. It was a delicate balancing act.

This section of the exhibition looks beyond the borders of England, to highlight the role of dress in three episodes of particular turbulence: the Jacobite Risings, the American Revolutionary War and the French Revolution.

Восстание и революция

Символическая способность одежды демонстрировать убеждения и ценности своего владельца означает, что одежда играла ключевую роль в демонстрации лояльности или неповиновения в периоды политических или национальных потрясений.

В восемнадцатом веке по всему миру велось много военных действий. Сложные политические и социальные факторы привели к смене альянсов и моделей господства. Для ганноверских монархов отношения с Францией были главной проблемой, а кратковременные периоды хрупкого мира омрачались угрозой вторжения, протекционистской внешней политикой и предсказуемым соперничеством между соседними территориями. К этому добавились сложности, связанные с созданием и управлением заморскими колониями на обширной географической территории, противодействие Актам об унии между Англией и Шотландией и различные распри с Испанией, Голландией и Данией. Требовалось тонкое балансирование.

Этот раздел выставки выходит за границы Англии, чтобы подчеркнуть роль одежды в трех периодах особой турбулентности: Восстании якобитов, Войне за независимость США и Французской революции.

Influences from Afar

During the eighteenth century Britain expanded its global reach through the combined arms of trade, travel and empire. At the same time British people increasingly looked overseas for innovative consumer goods and novel styles of dress. The influence of clothing from afar often saw its earliest incarnation in Britain during those moments when a form of 'fancy dress' was required, notably while sitting for a portrait or attending a masquerade. Elements of clothing sourced from different places gradually slipped into everyday styles, where they were combined with established fashions of the era, sometimes in an incongruous or inauthentic manner.

Clothing worn across the Ottoman Empire (which in the eighteenth century encompassed modern-day Turkey and Greece as well as parts of northern Africa and the Middle East) was a source of particular fascination. Textiles from other regions (notably India and China) were also highly sought after and imported to Britain in great quantities, where they influenced the design and manufacturing techniques of domestically made goods. The physical properties of fabric (light, non-perishable, non-breakable) combined with its intrinsic value made it an ideal trading commodity. The rich vocabulary used to describe dress and textiles demonstrates how clothing took its inspiration from across the globe, with components frequently transported many miles before reaching the wearer.

Влияние издалека

В течение восемнадцатого века Британия расширяла свой глобальный охват с помощью торговли, путешествий и власти империи. В то же время британцы все чаще искали за границей инновационные потребительские товары и новые стили одежды. Влияние одежды из далеких краев часто находило свое самое раннее воплощение в Британии в те моменты, когда требовался «маскарадный костюм», например, при позировании портретному живописцу или участии в маскараде. Элементы одежды, привезенной из разных мест, постепенно проникали в повседневный стиль, где они сочетались с устоявшейся модой эпохи, иногда в несочетаемой или неаутентичной манере.

Одежда, которую носили в Османской империи (которая в XVIII веке охватывала современные Турцию и Грецию, а также части Северной Африки и Ближнего Востока), была источником особого интереса. Текстиль из других регионов (в частности, Индии и Китая) также пользовался большим спросом и импортировался в Британию в огромных количествах, где он влиял на дизайн и технологии производства отечественных товаров. Физические свойства ткани (легкая, непортящаяся, не рвущаяся) в сочетании с ее самостоятельной стоимостью сделали ее идеальным товаром для торговли. Богатый словарный запас, используемый для описания одежды и текстиля, демонстрирует, как одежда черпала вдохновение по всему миру, а ее компоненты часто перевозились за много миль, прежде чем попасть к владельцу.

Walking Pictures

Masquerades were a popular form of entertainment throughout the eighteenth century, presenting attendees with an opportunity to adopt fancy dress and conceal their identity. Dress from other countries provided one source of inspiration, another was found by looking back at historical clothing worn in Britain.

Fashions worn at the court of Charles I during the 1620s and 1630s, which had been most notably represented in portraiture by Sir Anthony van Dyck, were the most popular form of historical fancy dress during the eighteenth century. Such 'Vandyke dress' was adopted for both masquerades and portraiture – to eighteenth-century eyes Van Dyck's portraits evoked a nostalgic vision of Britain. In his account of a masquerade in 1742, Horace Walpole noted, 'There were quantities of pretty Vandykes, and all kinds of old pictures walked out of their frames.' By the early nineteenth century, the Elizabethan era had begun to displace the Caroline court as the historical influence of choice, while the novels of Sir Walter Scott encouraged a fascination with medieval knightly chivalry.

Over time details from historical dress were gradually integrated into everyday clothing, a demonstration of the peculiar circularity of fashion still evident today, as each season brings clothing with echoes of the past. It also provides a timely reminder that to our modern eyes, increasingly accustomed to seeing the Georgian period represented on screen, what is now costume, was once high fashion.

Ходячие картинки

Маскарады были популярной формой развлечения в XVIII веке, давая участникам возможность надеть маскарадный костюм и скрыть свою личность. Один источник вдохновения – одежда из других стран, другой – историческая одежда, которую носили в Великобритании.

Мода, которую носили при дворе Карла I в 1620-х и 1630-х годах, наиболее ярко представленная в портретах кисти сэра Антониса ван Дейка, стала самой популярной формой исторического маскарадного костюма в XVIII веке. Такие «вандейковские наряды» использовались как для маскарадов, так и для портретов – взору живущих в XVIII веке портреты ван Дейка представляли ностальгическое видение Британии. В своем рассказе о маскараде в 1742 году Гораций Уолпол отметил: «Там было много красивых Вандейков, и всевозможные старинные картины выходили из своих рам». К началу девятнадцатого века елизаветинская эпоха начала вытеснять каролингский двор в качестве исторического влияния, а романы сэра Вальтера Скотта способствовали увлечению средневековым рыцарством.

Со временем детали исторического костюма постепенно интегрировались в повседневную одежду, демонстрируя примечательную кругообразность моды, которая проявляется и сегодня, поскольку в каждом модном сезоне есть одежда с отголосками прошлого. Это также служит своевременным напоминанием о том, что для наших современных глаз, которые все больше привыкают видеть георгианскую эпоху на экранах, то, что сейчас является историческим костюмом, когда-то было высокой модой.